

Джеральд Смит

О новой книге Д. Святополк-Мирского

Прежде всего я хочу подчеркнуть, насколько я рад возможности – хотя бы заочно – обратиться к вам, собравшимся по случаю выхода книги Мирского «О литературе и искусстве» в серии НЛЮ «Филологическое наследие».

Приглашение принять участие в работе над этой книгой было для меня несколько неожиданным. Мне казалось, что моя англоязычная биография Мирского, которая писалась в течение 30 лет и, наконец, появилась в 2000-м году в издательстве Оксфордского университета, не стала стимулом к дальнейшей работе, а, скорее всего, создала впечатление, будто бы всё уже сказано, что ничего значительного делать уже не нужно. В Европе и США биографию рецензировали очень положительно, в России же ее едва заметили, но после двух-трех лет последовало молчание, более-менее полное. Даже хуже: читатели, и в частности специалисты, кажется, пришли к выводу, что деятельность Мирского хотя и замечательна, уникальна, имеет историческое значение, но не включает в себе потенциала для дальнейшего развития критической мысли. С точки зрения доминирующих теорий культуры Мирский стоит вне исследовательских интересов, будучи прежде всего практическим критиком и прагматическим историком с четко определенным вкусом, без малейшего оттенка релятивизма в суждениях. С самого начала и до конца своей деятельности он сосредоточился на чтении конкретных художественных текстов. И действительно, в обзорах и историях русской критики последнего десятилетия Мирского заметно обходили вниманием, если можно так выразиться. А я, напротив, остаюсь при своем давнем мнении, что ему должно принадлежать перворазрядное место в этой истории, и что на самом деле остается очень много делать, чтобы оправдать такое мнение. Работа Олега Коростелева и Михаила Ефимова и включение Мирского в серию НЛЮ «Филологическое наследие» — важнейший шаг в нужном направлении.

Здесь первостепенную роль играет тот факт, что Мирский писал свои лучшие печатные работы не на русском языке и не в России (за некоторыми исключениями, прежде всего – это «Антология новой английской поэзии», которая появилась без упоминания его имени). Его знаменитая «История русской литературы», на Западе классический текст уже в течение почти 90 лет, лишь сравнительно недавно переведена на русский. Для русских же читателей неизвестными оставалось большое количество работ, в большинстве своем меньших по размерам, но очень важных для понимания профиля Мирского-критика в его полноте. В представлении этих работ русскому читателю и заключается, как мне кажется, главный вклад нашей новой книги. Еще одно из важных достоинств книги, по-моему, заключается в широком привлечении эпистолярного наследия Мирского в комментариях и сопроводительном аппарате вообще.

Я хочу воспользоваться случаем, чтобы выразить свое высокое мнение о работе зачинателей и редакторов книги, Олега Коростелева и Михаила Ефимова. Работа с ними доставила мне большое удовольствие, а также немало новых для меня знаний, и я очень признателен Олегу и Михаилу.

Как носитель английского языка и переводчик с русского на английский я хочу обратить внимание на высокое качество переводов с английского, выполненных

Михаилом Ефимовым для нашей книги. Здесь надо заметить, что с 1921-го года и до приезда в советскую Россию в 1932-м Мирский писал свои книги, статьи и рецензии главным образом на собственном английском. Активным английским языком, языком аналитическим, он владел лучше, чем любой его современник – не только из русских, но среди иностранных критиков вообще. Но все равно, когда читаешь его непосредственный английский, прежде всего в том же самом эпистолярном наследии, находишь много ошибок, — сравнительно мелких, конечно, но все равно показательных, мешающих свободному усвоению читаемого. Но, к счастью, Мирский писал главным образом не для узкого круга читателей-специалистов, а для широкой публики – читателей массовых средств периодической печати, и его редактировали опытные профессионалы того времени, в Англии и в Америке. В результате получается язык богатый, насыщенный, но со многими оттенками специфически литературной идиоматики того времени, и поэтому язык очень трудный для перевода, с опасностями на каждом шагу. А Михаил Ефимов со своей задачей справился блестяще.

Между тем в составлении книги, в подготовке комментариев, Олег Коростелев еще раз продемонстрировал свое уникальное знание источников. Здесь я говорю с особенным чувством восхищения и благодарности. Когда я начинал серьезно изучать русскую эмигрантскую литературу, и в особенности жизнь и труды Мирского, в конце 1960-х годов, нужно было тратить массу времени и даже физических усилий, чтобы найти хотя бы опубликованные работы. И это – не говоря уже о неопубликованных материалах, о которых тогда никто ничего не знал. Даже такой живой памятник, как покойный Глеб Петрович Струве, имел лишь смутное представление об истинных размерах наследия того же Мирского. А работа Коростелева над этим наследием, как частью общего наследия русской литературы за рубежом, изменила ситуацию для всех, кто занимается этой областью, наконец-то делает ее доступной, способствует серьезной работе. Я и так очень благодарен ему, но иметь возможность работать с ним в соавторстве — для меня и большая честь, и большое удовольствие.

В заключение хочу сказать, что надеюсь, что для читателей нашей книги она будет такой же приятной и полезной, как для меня была работа над ней. Также я хочу выразить надежду, что глубокоуважаемые Ефимов и Коростелев пойдут дальше в деле представления Мирского его родной русской аудитории. В дальнейшем, я бы сказал, прежде всего необходимо подготовить научное издание эпистолярного наследия Мирского, которое как целое остается в значительной степени неизвестным или почти недоступным русскому читателю.

Декабрь 2014 г., Оксфорд